Национальный исследовательский университет

В. М. Кириллин

РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ В X–XVII в.[1]

§ II. Культурно-исторические предпосылки появления в Московской Руси систематических школ в XVII в.

Первые побуждения к устранению дефицита образованных людей в русском обществе относятся только ко времени царствования Бориса Годунова (1598–1605 г.), который, будучи «сторонником культурных новшеств и заимствований с Запада»[2], всерьез думал о просвещении, по крайней мере, какой-то части русского общества как о государственной политике. Известно, что он попытался было учредить в Москве школы и чуть ли не университет с привлечением для преподавания в нем разных специалистов из западноевропейских государств и даже реально предпринял их поиски. Однако государевой воле, по мнению жившего тогда в России немца Конрада Буссова, твердо воспротивилась Церковь, опасавшаяся влияния иноверцев, вполне способного сбить наивные умы с пути истинного и вызвать общественные раздоры[3]. Правительство Годунова вело, кроме того, переговоры с Польшей относительно организации процесса взаимного обмена юношами ради «службы» и «науки». Планы царя были отчасти и практически реализованы. Так, согласно документам Посольского приказа, в 1602 г. четверо дворянских отпрысков отбыли в Англию «для науки латынскому и аглинскому и иных разных немецких государств языков и грамот»; с аналогичной целью и в 1603 г. несколько молодых людей были отправлены в Германию, Францию, Австрию. Успешному исходу этого дела, однако, помешали смерть Бориса Федоровича и все то, что в народе получило точное название Смуты. О посланцах России забыли. Спустя годы лишь одному из них — Игнатию Алексееву сыну Кучкину — удалось вернуться домой[4]. Правда, после воцарения Михаила Федоровича Романова были предприняты розыски зажившихся за границей «робят», но усилия заполучить их назад закончились безуспешно: одних не нашли, другие уже умерли, третьи воспротивились призыву отечества[5]. Так что инициатива Годунова обернулась полной неудачей.

[1] Начало статьи см.: № 2 (36). С. 22–33.

[2] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1937. С. 35.

[3] *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. С. 353–354.

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 8: От начала царствования Бориса Годунова (1598) до избрания царя Михаила Федоровича (1613). М., 1960 (Глава первая); *Скрынников Р. Г.* Лихолетье: Москва в XVI–XVII в. М., 1988. С. 204–207.

[5] *Кузнецов Б.* За наукой в чужедальние края: Первые русские студенты за границей // Родина. 2000. № 10. URL: http://www.krotov.info/history/17/1603kuzn.html.

Национальный исследовательский университет

Научный журнал Кубанского государственного университета

Тем не менее предпринятая попытка точно отобразила действительную нужду русского общества в просвещении и столь же точно обозначила уже определившиеся тенденции дальнейшего общественного развития. В границах Московского царства жизнь заметно менялась: сказывались политические и деловые контакты с Европой, усиление государственной власти, территориальное расширение, организационные изменения в сфере производственной деятельности, возникновение новых фактов церковно-религиозного свойства. Все это предполагало наличие не только грамотных людей, но и образованных специалистов. Особенно упрямым аргументом в пользу просвещения стало книгопечатание. Оно со всей нелицеприятной откровенностью обнаружило бездну разнообразия в бытии русских людей применительно к чрезвычайно важной для них области — богослужебному обиходу. Прежде на местах, в монастырях и в приходских храмах, была устойчивая преемственность, основанная на своей, узко локальной, но освященной временем рукописной и изустной традиции. Печатный станок открыл сразу многим людям (тираж книги с одной матрицы обычно до 1200 экземпляров, рукопись же всегда уникальна), что у них — в Смоленске, Курске, Твери, Владимире, Новгороде — все не так: достаточно было сравнить текст, например, своего исстари возглашаемого за богослужением Апостола с тем печатным, который был прислан из Москвы или куплен в Вильне, Киеве, Львове. Да и в самой Москве — на Неглинке или в Замоскворечье — обнаруживались отличия между рукописными книгами и теми, что были изданы московскими печатниками: другое ударение, другие слова, окончания, иная структура предложений, подчас иной набор и порядок отдельных частей последования. Все это требовало огромной работы по исправлению и унификации богослужебных текстов, соответственно, и по подготовке образованных кадров. Но именно здесь и скрывалась главная причина неизбежной общественной коллизии, в которой сложнейшим и драматичнейшим образом переплетались благие намерения, привычки, просвещенность, необразованность, степень понимания, сила неприятия, стремление сохранить, желание улучшить, идеализм, нетерпимость, амбиции, страсти. Иными словами, возникал острый конфликт между старым и новым, когда осознание необходимости перемен, отчетливо созрев, приводило к практическим действиям, но последние оказывались камнем преткновения — как, например, при исправлении богослужебных текстов преподобным Максимом Греком († 1556 г., память 21 января/3 февраля)[6], или по случаю пересмотра «Потребника» 1602 г. преподобным Дионисием Радонежским со товарищи († 1633 г., память 12/25 мая)[7], или в связи с книжно-обрядовой реформой патриарха Никона (умер 1681 г.)[8]. Соответственно, столь же трудно и трагично формировалась у нас и школа нового типа, ориентированная на систематическое изложение какой-то предопределенной суммы знаний.

Первые успешные шаги в этом направлении, однако, были сделаны не в Московской Руси и не благодаря деятельной заботе церковной власти о просвещении народа. Своим рождением правильно организованные школы обязаны самостоятельной народной инициативе, братскому движению в Юго-Западной митрополии в условиях борьбы православного населения Речи Посполитой против культурно-религиозной экспансии со стороны католической и униатской Церквей. Так, здесь последовательно возникают школы: Острожская (до 1581 г.), Виленская (1584 г.), Львовская (1586 г.), Брестская (1591 г.), Киевская (1615 г.), Луцкая (1624 г.) и многие другие[9]. Все братские

[6] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. четвертая, часть первая: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отд. второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). М., 1996. С. 98–107.

[7] Там же. Кн. шестая: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). Отд. второй: Патриаршество Московское и всея Великия России и Западнорусская митрополия (1589–1654). М., 1996. С. 115–127.

[8] *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 106–518.

[9] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги. Казань, 1898; *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII в. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954.

Научный журнал Кубанского государственного университета